

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ | THEORETICAL RESEARCH

Определение методологического основания кризисной психологии

Пергаменщик Л.А.

Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка (УО «БГПУ имени М. Танка»), Минск, Республика Беларусь

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6412-346X?lang=ru>, e-mail: leonpergam@gmail.com

Резюме

В статье рассматриваются состояние и место кризисной психологии в ряду других направлений психологии и дается ее определение. Выдвинуто положение о «потере» человека в современной психологии, анализируются причины произошедшей смены диалога монологом и замены души на понятие «психика». Отмечается, что отечественная академическая психология по-прежнему недостаточно вторгается в реальную жизнь, изучая не конкретных людей, а некие схемы, замещая живую действительность абстрактными определениями и условными операциональными «эквивалентами». В качестве возможного теоретического основания кризисной психологии предложена психология повседневности. Выделены следующие положения, которые могут служить теоретическим основанием для кризисной психологии: 1) в основу методического инструментария следует положить диалог, как так он позволяет человеку оставаться субъектом при его изучении; 2) психобиографический подход необходимо рассматривать как основной для изучения личности в кризисной ситуации (как это сделано в психологии повседневности); 3) во главу исследования следует ставить реальность, имеющую субъективную значимость, и субъективную интерпретацию этой реальности; 4) необходим контроль исследования с позиций того, сохранится ли человек в процессе исследования за столбиками цифр и формул, не произошла ли замена жизненного мира человека субъективной репрезентацией исследователя. Обосновывается положение, что вместе с психологией повседневности в кризисную психологию приходят идеи феноменологии, конструктивизма, этнометодологии, интерпретативной антропологии. Вывод: для кризисной психологии лучше использовать качественные методы исследования: наблюдение (в том числе включенное), изучение биографий, интервью, интерпретация символических форм, фокус-группы и др.

Ключевые слова: диалог, душа, интерпретация, жизненный путь, кризисная психология, событие, переживание, психобиографический подход, психология повседневности, репрезентация

Для цитаты: Пергаменщик Л.А. Определение методологического основания кризисной психологии [Электронный ресурс] // Экстремальная психология и безопасность личности. 2025. Т. 2. № 1. С. 5—15. DOI: [10.17759/epps.2025020101](https://doi.org/10.17759/epps.2025020101)

Definition of the Methodological Basis of Crisis Psychology

Leonid A. Pergamenshchik

Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University, Minsk, Belarus

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6412-346X?lang=ru>, e-mail: leonpergam@gmail.com

Abstract

The article examines the state and place of crisis psychology among other areas of psychology and provides its definition. The article puts forward the proposition about the “loss” of a person in modern psychology, analyzes the reasons for the change of dialogue to monologue and the replacement of the soul with the concept of “psyche”. It is noted that domestic academic psychology still does not sufficiently interfere with real life, studying not real people, but some schemes, replacing living reality with abstract definitions and conditional operational “equivalents”. Everyday psychology is proposed as a possible theoretical basis for crisis psychology. The following provisions are highlighted that can serve as a theoretical basis for crisis psychology: 1) dialogue should be taken as the basis for the methodological tools, since it allows a person to remain a subject during its study; 2) the psychobiographical approach should be considered as the main one for studying a personality in a crisis situation (as is done in everyday psychology); 3) reality, which has subjective significance and subjective interpretation of this reality, should be put at the head of the study; 4) it is necessary to control the research from the standpoint of whether the person will remain in the process of the research behind the columns of numbers and formulas; whether the life world of the person has been replaced by the subjective representation of the researcher. The position is substantiated that along with the psychology of everyday life, the ideas of phenomenology, constructivism, ethnomethodology, and interpretive anthropology come to crisis psychology. Conclusion: for crisis psychology, it is better to use qualitative research methods: observation (including participant observation), study of biographies, interviews, interpretation of symbolic forms, focus groups, etc.

Keywords: dialogue, soul, interpretation, life path, crisis psychology, event, experience, psychobiographical approach, psychology of everyday life, representation

For citation: Pergamenshchik L.A. Definition of the Methodological Basis of Crisis Psychology. *Ekstremal'naya psikhologiya i bezopasnost' lichnosti = Extreme Psychology and Personal Safety*, 2025. Vol. 2, no. 1, pp. 5–15 (In Russ.). DOI:10.17759/epps.20250200101

Введение

В конце прошлого века (конец 80-х — начало 90-х годов) автор этих строк в белорусской психологии возглавил направление по изучению чернобыльской катастрофы. Сначала реализовывалась всесоюзная, а далее республиканская программа: «Социально-педагогическая реабилитация детей и подростков, пострадавших от катастрофы на ЧАЭС» [16]. Именно это направление в 1997 году в Беларуси было названо термином «кризисная психология» [6]. Сначала программа разрабатывалась как практико-ориентированная, но это не соответствовало

возможностям отечественной психологии. Постепенно пришло понимание необходимости выбора основного методологического направления, которое могло бы дать объяснение как теории, так и практики в работе психологов по преодолению последствий чернойбыльской катастрофы, равно как и любых кризисных событий.

Ситуация, в которой мы начинали работать (психологи России, Украины, Беларуси), характеризовалась тем, что перед психологами по вполне определенным причинам более 50 лет не стояла задача выбора методологического основания психологических исследований, так как методология заранее была определена раз и — долгое время казалось — навсегда. Имя этой методологии марксизм-ленинизм, задача которого состояла не столько в помощи, сколько в строительстве нового человека по определенным требованиям, правилам, параметрам.

К началу 90-х годов в связи с перестройкой в социальной жизни абсолютный диктат марксистской идеологии был слегка нарушен, но не поколеблен, однако для психологии это означало появление возможности выбора адекватного направления для решения как теоретических, так и практических задач.

Так в отечественную психологию пришел психоанализ, экзистенциальная и гуманистическая психология, бихевиоризм и т. д. Но, повторяю, чаще всего мы осваивали не теоретические основы психологических направлений, а практики психологической помощи и кризисного вмешательства. Возник явный парадокс: психологическая практика кризисного вмешательства использовала самые различные инструменты психологической помощи из самых различных теорий, а академическая психология продолжала функционировать на базе единственно правильной — марксистской.

Попытки рефлексии состояния отечественной психологии

В конце 1980-х — начале 1990-х годов в российской психологии неоднократно предпринимались попытки ревизии советской психологии. Давайте обратимся к тому, что мы считаем наиболее систематической попыткой анализа. В 1988 году журнал «Вопросы психологии» организовал обсуждение состояния психологической науки и практики в форме круглого стола «Перестройка психологии: проблемы, решения». На страницах четырех номеров журнала 28 психологов из Московского, Ленинградского, Киевского и восьми других региональных педагогических институтов дали оценку уровня развития советской психологии и соответствия ее мировым стандартам. Исследователи предположили возможные причины ее застоя и наметили направления преодоления кризиса. Оказалось, что на момент запуска программы психологической помощи детям и подросткам, пострадавшим от последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, отечественная психология не имела ни теоретической базы, ни практического инструментария. Это следовало из дискуссии и четко видно из публикаций ведущих исследователей, представленных на круглом столе. Рассмотрим их аргументацию подробнее.

Для анализа результатов, полученных на круглом столе, предлагаю рассмотреть три статьи известных советских психологов.

1. Редактор журнала «Вопросы психологии» Е.В. Щедрина отметила, что на сегодняшний день, на ее взгляд, психология почти не работает в области реальной жизни, и это несмотря на то, что в обществе существует запрос на психологическую помощь [11]. На наш взгляд, это утверждение верное, но слишком осторожное; психология в нашей стране никогда не видела человека за общими словами, поскольку перед ней обычно ставились совсем другие задачи.

Подчеркнем вывод, который сделала Е.В. Щедрина: **психология недостаточно вторгается в реальную жизнь.**

2. Л.А. Радзиховский (НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР) полагает, что в настоящее время психология изучает **некие схемы, а не реальных людей**; эти схемы образуются путем угадывания того, что сегодня соответствует актуальным идеологическим клише, указаниям «сверху», вместо того, чтобы устанавливать истину в процессе свободного научного диалога. По его мнению, психология имеет низкий авторитет в обществе, потому что исследователи не занимаются реальной человеческой жизнью [12].

3. Известный исследователь А.У. Хараш с факультета психологии МГУ сделала вывод исходя из дискуссии: психология в нашей стране изначально изучала не живых людей в их реальной жизни, а некие операциональные «эквиваленты» и абстрактные определения [13]. Проанализировав ее статью, можно вывести основное положение, которое развивает автор: происходит **механистическая редукция психологии**, и она вполне может затмить основной объект исследования — человека.

Таким образом, мы видим, что три авторитетных ученых пришли к выводу о кризисе в психологии, потому что реальный человек со своим внутренним миром и своей жизнью оказался вне сферы исследований психологии как науки. На страницах четырех научных журналов известные исследователи отмечали, какие проблемы существуют в советской психологии: 1) отсутствие свободного диалога внутри профессионального сообщества; 2) отсутствие новых парадигм; 3) полная оторванность отечественной психологии от мировой научной мысли; 4) отсутствие психологической помощи — психология не развивает ни теорию, ни практику такой помощи; 5) психология как наука существует в условном вакууме, в отрыве от реальной жизни.

Со времени этой дискуссии прошло почти сорок лет. Попробуем оценить, какие изменения произошли с отечественной психологией. Из позитивного можно отметить, что мировая психология теперь пришла к нам, отечественные психологи ознакомились с большим количеством теоретических и практических направлений мировой науки и теперь имеют возможность выбирать методологическую основу для своей работы из большого количества теорий. Также отечественные исследователи смогли познакомиться с теорией и практикой кризисного вмешательства в мировой психологии. Студент-психолог получил возможность читать в подлиннике мировую классику (хотя, к сожалению, он, в лучшем случае читает учебники).

Несмотря на все изменения к лучшему, отечественная психология в недостаточной степени использовала новые возможности. В результате мы пришли к следующему.

- Нынешняя психология по-прежнему слабо влияет на реальную жизнь. То, к чему призывали психологи круглого стола, а именно к гуманитарному пересмотру принимаемых решений, так и не реализовалось.

- Психология до сих пор изучает абстрактные схемы, а не реальных людей, она больше опирается на математическую статистику, чем на субъективные переживания. Психологов не волнует тот факт, что только сам человек является подлинным экспертом своего жизненного пути (Х. Томэ). Психологи не вступают с человеком в прямой диалог, они заменили его на тесты, посредством которых и общаются с людьми [17].

- Механистическая редукция психологии продолжается. До сих пор наблюдается подмена живой реальности абстрактными определениями тех или иных понятий и условными

«эквивалентами», вычисленными с помощью обобщений.

Причины незавершенности перестройки отечественной психологии

Сделаем попытку ответить на этот очень важный и смелый вопрос. В процессе чтения работ круглого стола [10; 11; 12; 13; 14] мы заметили, что отечественные психологи в своих выступлениях не проводят анализ теоретических оснований советской психологии, не оценивают ее адекватность. Действительно, никто из авторов круглого стола не коснулся теоретических основ отечественной психологии, т. е. позитивистская модель науки «психология» в виде ленинской теории отражения не собиралась сдаваться и продолжала успешно функционировать.

Кроме того, в отечественной психологии не проведена основательная проработка двух коллективных профессиональных травм: 1) постановление ЦК ВКП (б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов» (1936 г.) и 2) павловская сессия (28 июня — 4 июля 1950 г.). Кроме этих глобальных и губительных вмешательств в профессиональную жизнь психологов было и ряд частных. Например, закрытие ГАХН — института, который на протяжении ряда лет (1921—1931) объединял вокруг себя цвет отечественной культуры, где ведущую методологическую роль играл Густав Шпет, представитель феноменологии и герменевтики, где трудились психологи Г.И. Челпанов, А.А. Смирнов, Б.М. Теплов, С.С. Четвериков, читал лекции Л.С. Выготский [8].

Коллективные травмы советской психологии не были проработаны в свободном научном диалоге, они замалчиваются, поэтому мы до сих пор сталкиваемся с их последствиями в виде «метастазов» в научной (академической) психологии, и особенно при попытке развития направлений психологической помощи людям.

Мы можем выделить последствия непроработанности коллективных травм отечественной психологии в ее теоретико-методологических основах. Произошло следующее: личность в психологии оказалось стертой, в работе психолога **преобладает монолог, а не живой диалог**; и, наконец, психологи до сих пор **вместо души изучают психику**.

Причина исчезновения человека в психологии связана с тем, что исследователи опираются на точные науки, пытаются изучать человека так же, как изучают вещи и предметы, не понимая, что между ними есть огромная разница.

Психологи в качестве методологической основы выбрали объяснение, а не понимание. Объяснение требует дать определение сущности изучаемого объекта, потом описать его составляющие, выявить причины развития и т. п. Именно так строят свою методологию естественные науки. Они выводят общие законы для своего предмета, сводя индивидуальное между изучаемыми объектами к незначительному.

А ведь психология — это гуманитарная наука и как все гуманитарные науки должна изучать именно индивидуальное, неповторимое, своеобразное (людей, действия, причины, отношения). Иными словами, методологический подход в психологии должен быть таким же, как во всех гуманитарных науках: нужно не обобщение, а конкретизация, которая позволит сохранить неповторимость и индивидуальность каждого человека.

В то же время, в гуманитарной науке давно уже было выявлено, что использование обобщений и обобщенных и формальных знаний для понимания личности недостаточно. Данный тезис поддерживал М.М. Бахтин (в свою очередь, опираясь на идеи Г. Риккера) [2]. Он отмечал, что обобщенный подход не только недостаточен, но часто просто невозможен,

поскольку игнорирует все то, что делает человека человеком (всю его индивидуальность и уникальность). Обобщая, мы теряем человека и вернуться к нему потом не можем.

Предметом исследования в психологии (следуя М.М. Бахтину) должен быть поступок — уникальный и неповторимый акт человеческого самовыражения. И это как нельзя более важно именно для кризисной психологии, поскольку при оказании помощи мы должны основываться на представлении жертвы о ситуации, на ее мыслях, переживаниях, словах.

Итак, для психологии основной исследовательский метод — это «**понимание**», в то время, как в естественных науках это **объяснение**.

Замена души на психику. Если мы согласны с высказыванием, что «чужая душа — потемки», то зачем нам наука, которая ходит во тьме? Лучше заменить предмет психологии, отказаться от изучения души и изучать психику.

Примечательно, что, познавая душу другого, мы должны делать акцент не на познании души, а на ее освещении, чтобы преодолеть чужую чуждость, рассуждает Б.С. Братусь [3]. Как не процитировать постулат Мартина Бубера о том, что «Я» самого по себе нет, есть только «Я» основного слова «Я-Ты»... Есть жизнь с духовными сущностями [4].

Однако, поскольку у личности нет пределов, невозможно и не нужно до предела высвечивать внутренний мир другого человека и делать его своим. Для науки о человеке, где каждое значение уникально, полнота **понимания** определяется глубиной **проникновения** во внутренний мир. Иными словами, для психологии глубина — аналог точности в естественных науках. Нам трудно принять этот тезис: он ставит под сомнение принадлежность психологии к науке вообще и признает ее недостатки, поскольку психология никогда не будет «точной наукой». Но не стоит надеяться устранить эту слабость какими-то методическими приемами (точными методами). В то же время мы должны понимать, что эта слабость должна непрерывно перерабатываться напряжением научной воли — в этом сила и гордость психологии как науки. Конечно, психология — «строгая» наука (напомню, что «строгость» — аналог глубины у М.М. Бахтина), но ее «строгость» не в искусственной точности математического аппарата, а в постоянном интеллектуальном усилии по преодолению произвола и освобождению возможностей человеческого понимания [2].

Понимание другого человека — это специфическая задача психологии с определенными ограничениями: не превращать его в объект «вычисления», не отражать собственные эмоции. При этом чем выше уровень психологической науки (постоянное интеллектуальное усилие), тем точнее она поможет выполнить эту задачу. Психология — это служба понимания, и с этим выводом Ф.Е. Василюка нельзя не согласиться [5].

Замена диалога на монолог. Поскольку наука о человеке (гуманитарное знание), в отличие от науки о вещах (научное знание), реализуется в парадигме понимания, то и требования к ней (и, в частности, к психологии) иные. В процессе исследования необходимы как минимум два субъекта, вовлеченных в диалог, поскольку диалог — единственно возможная форма человеческого существования. Слова существуют только в столкновении, в конфликте с другими словами, идеи развиваются во взаимодействии с противоположными идеями. Человек может понять себя, только если он сможет увидеть себя глазами других: «Быть — значит общаться диалогически. Когда диалог заканчивается, все заканчивается» [2, с. 280].

Таким образом, замена души психикой и диалога монологом завершила «победу» научного подхода к психологии.

Есть ли у современной психологии возможность стать подлинной наукой?

Посмотрим, как ответил на этот вопрос Ф.Е. Василюк в своей монографии «Методологический анализ в психологии», опубликованной в 2003 г. Он считал, что такая возможность у психологии, конечно же, есть. Но чтобы реализовать ее, ей самой нужно **кардинально измениться**. По его убеждению, такая возможность вписана в саму природу отечественной психологии, и чтобы ее реализовать, психологии просто нужно стать самой собой — наукой о душе, и трансформироваться из деятельностной в **жизненную** [5]. Через 20 лет Е.Е. Соколова написала, что подобная трансформация уже происходит, но необходимо прикладывать дополнительные усилия, чтобы пройти весь путь, иначе психология так и останется наукой о процессах и свойствах, а не о живом, действующем и активном человеке [15].

Психология повседневности. Одним из первых исследователей, кто отозвался на призыв внедрить отечественную психологию в практику, стала известный психолог из института психологии РАН Л.И. Анцыферова. Она опубликовала статью, в которой заявила, что перед психологией в конце XX века встала проблема помощи людям, оказавшимся в трудных жизненных ситуациях [1]. Также она писала, что в отечественной психологии пока нет понятийной системы: ни теорий, ни методического аппарата, ни практических наработок по оказанию помощи людям в экстремальных ситуациях, — поскольку поведение человека в таких ситуациях пока никем не изучалось. Необходимо разработать новую теорию психологии, создать концептуальную систему для работы в кризисных ситуациях. Однако возникает вопрос: а что взять за основу кризисной психологии? Л.И. Анцыферова для описания контуров ее будущего оперировала понятиями психологии повседневности: жизненный путь, личность, жизненный мир, событие, переживание, биографический метод, восприятие, представления, когнитивно-феноменологическая направленность.

В статье «Психология повседневности: жизненный мир личности и “техники” ее бытия» Л.И. Анцыферова ответила на вопрос, какая психология может стать основой кризисной психологии (хотя такого термина она не употребляла). По ее мнению, это психология повседневности [1]. В данном случае я ее полностью поддерживаю: действительно, психология повседневности может выступить в качестве теоретико-методологической основы кризисной психологии. Для этого есть ряд важных теоретико-методологических оснований.

Основные положения психологии повседневности были сформулированы А. Щюцом — учеником Э. Гуссерля. Самым важным здесь является методология, которая позволяет человеку оставаться человеком, даже когда происходит его изучение. Во-первых, метод исследования — диалог, а не монолог. Во-вторых, используется психобиографический подход (Х. Томэ), который позволяет сосредоточиться на уникальном жизненном пути каждого человека. В-третьих, исследуется реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира (П. Бергер, Т. Лукман). В-четвертых, психолог направленно изучает субъективные репрезентации жизненного мира каждого исследуемого им человека [8].

Опираясь на это, мы можем предложить следующее определение предмета кризисной психологии как науки: **субъективные репрезентации жизненного мира человека. Он тот же, что и в психологии повседневности.**

Поясним предлагаемую позицию, указав основные черты концепции обыденной психологии: 1) нет бытия без отношения к этому бытию; 2) повседневная психология изучает субъективные представления о жизненном мире человека; 3) повседневная жизнь — это реальность, которая

интерпретируется; 4) единицей измерения в повседневной психологии является событие, которое переживается и интерпретируется; 5) человеческий мир изменчив и неопределен и требует активного управления; 6) существует возможность восстановления целостности повседневной идентичности и жизненного пути; 7) уровень повседневности — уровень обычной жизнедеятельности, изучение которого определяется представлением о человеке как субъекте деятельности; 8) внимание сосредоточено не на характеристиках и свойствах личности, а на ее интегральных чертах, таких как концепция стиля или жизненный опыт.

Надо признать, что каждый пункт этого рассуждения требует развернутого толкования — подтверждения связи каждого тезиса с положениями кризисной психологии, но провести подробный анализ в рамках отдельной статьи крайне затруднительно.

Точки пересечения психологии повседневности и кризисной психологии

Смысл и интерпретация событий. Как человек интерпретирует свой опыт и понимает, что происходит? В повседневной психологии люди пытаются осмыслить свои действия и взаимодействия в обычных ситуациях, чтобы сохранить свою идентичность. В кризисной психологии кризисные события нарушают привычный мир человека и требуют переосмысления себя, нарушенной идентичности и реальности существования.

Социальное взаимодействие. Интерсубъективность и социальная поддержка. Подчеркивается важность социального взаимодействия и коллективных смыслов: в повседневной психологии каждый человек существует в социально структурированном мире, в котором типы и роли облегчают взаимодействие и обеспечивают предсказуемость. Кризисная психология идет дальше и рассматривает другого (межсубъектные связи) как потенциал социальной поддержки — важнейший дополнительный ресурс для преодоления кризиса и восстановления идентичности.

Соппротивление и преодоление. Роль адаптации и сопротивления изменениям. Повседневная психология анализирует механизмы адаптации, которые помогают людям сохранять стабильность и благополучие в повседневной жизни. Кризисная психология также изучает механизмы адаптации в условиях нестабильности и стресса.

Повседневные стратегии преодоления выступают в качестве личного ресурса в повседневной жизни и позволяют человеку сохранять чувство контроля и стабильности, что особенно важно в условиях кризиса.

Концепция жизненного мира и нарушение его целостности. Для повседневной психологии мир структурирован и предсказуем, в нем «Я» находит свое место и зависит от стабильных культурных и социальных элементов. Кризис заставляет человека переосмыслить свое мировоззрение и найти новые пути восстановления внутренней целостности, восстановления нарушенной непрерывности бытия.

Восстановление идентичности после кризиса. Повседневная психология обеспечивает поддержание стабильной идентичности посредством повседневных практик и привычных действий. Кризисная психология исследует идентичность в ее динамике. Важной задачей является восстановление и воссоздание своей идентичности после разрушительного события. Человек также начинает искать новые стратегии преодоления трудностей, чтобы установить новую форму нормальности (посттравматический рост).

Экзистенциальное измерение. Обе дисциплины пересекаются в экзистенциальных аспектах: признании конечности жизни, смысле существования и выборе. Если повседневная

психология предлагает рассмотреть, как люди находят смысл в рутинных аспектах жизни и избегают экзистенциальных тревог с помощью привычных действий и устоявшихся ритуалов, то кризисная психология ставит человека перед экзистенциальными вопросами в ситуациях, когда рутина больше не помогает и есть потребность понимания и интерпретации мира, в котором мы живем, для экзистенциального роста.

Заключение

Мы завершаем поиски ответа на вопрос: почему отечественная психология не смогла стать теоретическим основанием кризисной психологии. В данной статье мы показали, что отечественная психология в 1993 году предложила первую попытку [1], которая не получила должного развития. Но уже в 2010-х годах в России оформилась психология повседневности в качестве самостоятельного, ориентированного на междисциплинарность исследовательского направления. Ее появление было инициировано Т.Д. Марцинковской и представлено работами неформальной исследовательской группы (Н.В. Гришина, М.С. Гусельцева, Д.А. Хорошилов и др.). Это позволило утверждать, что кризисная психология в поисках теоретических оснований своего развития может опираться на психологию повседневности [6].

Теоретическими источниками психологии повседневности служат идеи Э. Гуссерля, А. Шюца, Н. Элиаса, К. Гергена, Х. Томэ, Г. Шпета, этнометодологии Г. Гарфинкеля и интерпретативной антропологии К. Гирца [7; 8; 9].

Выдвинутые теоретические основания позволяют определиться с исследовательским инструментарием кризисной психологии: интервью (феноменологическое, нарративное, полуструктурированное) герменевтический анализ источников, интерпретация символических форм (слов, образов, поступков), case studies, включенное наблюдение, изучение фокус-групп и биографий.

Список источников / References

1. Анцыферова, Л.И. Психология повседневности: жизненный мир личности и «техники» ее бытия // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 2. С. 3—16.
Ancyferova, L.I. Psychology of everyday life: the life world of a personality and the “techniques” of its being. *Psychological Journal*. 1993. Vol. 14, no. 2, pp. 3—16. (In Russ.).
2. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 445 с.
Bakhtin, M.M. Aesthetics of verbal creativity. 2nd ed. Moscow: Art, 1986. 445 p. (In Russ.).
3. Братусь, Б.С. Психология — наука о психике или учение о душе? // *Человек*, 2000. № 4. С. 30—37.
Bratus', B.S. Is psychology the science of the psyche or the study of the soul? *The Human Being*, 2000, no. 4. pp. 30—37. (In Russ.).
4. Бубер, М. Два образа веры. М.: Республика. 1995. 592 с.
Buber, M. Two images of faith. Moscow: Republic. 1995. 592 p. (In Russ.).
5. Василюк, Ф.В. Методологический анализ в психологии. М.: п Московский государственный психолого-педагогический университет ; Смысл, 2003. 240 с.
Vasilyuk, F.V. Methodological analysis in psychology. Moscow: Moscow State University of Psychology and Education ; Smysl, 2003. 240 p. (In Russ.).
6. Гусельцева, М.С. Психология повседневности: методология, история, перспективы [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 51. URL:

- <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/397/909> (дата обращения: 20.01.2025).
<https://doi.org/10.54359/ps.v10i51.397>
Guseltseva, M.S. Everyday life psychology: methodology, history and perspectives [Electronic resource]. *Psychological Studies*, 2017. Vol. 10, no. 51. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/397/909> (viewed 20.01.2025) (In Russ.).
<https://doi.org/10.54359/ps.v10i51.397>
7. Пергаменщик, Л.А. Методологические аспекты кризисной психологии // Кризисные события и психологические проблемы человека. Минск: НИО, 1997. С. 5—16.
Pergamenshchik, L.A. Methodological aspects of crisis psychology. *Crisis events and psychological problems of a person*. Minsk: National Institute of Education, 1997. pp. 5—16. (In Russ.).
 8. Пергаменщик, Л.А. Кризисная психология: учебное пособие. Минск: Выш. шк., 2004. 239 с.
Pergamenshchik, L.A. Crisis Psychology: a textbook. Minsk: Higher school, 2004. 239 p. (In Russ.).
 9. Пергаменщик, Л.А. По следам истории создания и развития кризисной психологии в Беларуси // *Адукацыя і выхаванне*, 2022. № 1 (361). С. 65—71.
Pergamenshchik, L.A. Following the history of the creation and development of crisis psychology in Belarus. *Education and upbringing*, 2022, no. 1 (361), pp. 65—71. (In Russ.).
 10. Перестройка психологии: проблемы, пути решения («круглый стол») [Электронный ресурс] // Вопросы психологии, 1988. № 1. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1988/881/881005.htm> (дата обращения: 20.01.2025)
Rebuilding of psychology: problems, solutions (round table) [Electronic resource]. *Voprosy Psychologii*. 1988, no. 1. (In Russ.). URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1988/881/881005.htm> (viewed 20.01.2025)
 11. Перестройка психологии: проблемы, пути решения («круглый стол») [Электронный ресурс] // Вопросы психологии. 1988. № 2. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1988/882/882005.htm> (дата обращения: 20.01.2025)
Rebuilding of psychology: problems, solutions (round table) [Electronic resource]. *Voprosy Psychologii*. 1988, no. 2. (In Russ.). URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1988/882/882005.htm> (viewed 20.01.2025)
 12. Перестройка психологии: проблемы, пути решения («круглый стол») [Электронный ресурс] // Вопросы психологии. 1988. № 3. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1988/883/883005.htm> (дата обращения: 20.01.2025)
Rebuilding of psychology: problems, solutions (round table) [Electronic resource]. *Voprosy Psychologii*. 1988, no. 3. (In Russ.). URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1988/883/883005.htm> (viewed 20.01.2025)
 13. Перестройка психологии: проблемы, пути решения («круглый стол») [Электронный ресурс] // Вопросы психологии. 1988. № 4. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1988/884/884005.htm> (дата обращения: 20.01.2025)
Rebuilding of psychology: problems, solutions (round table) [Electronic resource]. *Voprosy Psychologii*. 1988, no. 4. (In Russ.). URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1988/884/884005.htm> (viewed 20.01.2025)
 14. Перестройка психологии: проблемы, пути решения («круглый стол») [Электронный

- ресурс] // Вопросы психологии. 1988. № 6. С. 16 URL:
<http://www.voppsy.ru/issues/1988/885/885016.htm> (дата обращения: 20.01.2025)
Rebuilding of psychology: problems, solutions (round table) [Electronic resource]. *Voprosy Psychologii*. 1988, no. 6. (In Russ.). URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1988/885/885016.htm> (viewed 20.01.2025)
15. Соколова, Е.Е. Превратить психологию «в науку о живом человеке...»: О психотехническом характере исследований школы А.Н. Леонтьева 1940-х гг. // Культурно-историческая психология. 2024. Т. 20. № 3. С. 109—118. <https://doi.org/10.17759/chp.2024200311>
Sokolova, E.E. To Turn Psychology “into a Science of the Living Human Being...”: On the Psychotechnical Character of Research of the A.N. Leontiev school of the 1940s. *Cultural-Historical Psychology*. 2024. Vol 20, no. 3, pp. 109—118. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/chp.2024200311>
16. Социально-психологическая реабилитация детей и подростков, пострадавших от катастрофы на ЧАЭС. Минск : Центр психол.-пед. проблем Чернобыля Нац. ин-та образования Респ. Беларусь, 1993. 112 с.
Socio-psychological rehabilitation of children and adolescents affected by the Chernobyl disaster. Minsk: The Center for Psychological and Pedagogical Problems of Chernobyl at the National Institute of Education of the Republic of Belarus, 1993. 112 p. (In Russ.).
17. Thomae, H. Das Individuum und seine Welt. Eine Persönlichkeitstheorie. Göttingen : Verlag für Psychologie, 1968. 661 p.

Информация об авторе

Леонид Абрамович Пергаменчик, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной и семейной психологии, факультет психологии, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка (УО «БГПУ имени М. Танка»), Минск, Беларусь, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6412-346X>?lang=ru, e-mail: leonpergam@gmail.com

Information about the author

Leonid A. Pergamenshchik, Doctor of Psychology, Professor, Department of Social and Family Psychology, Faculty of Psychology, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6412-346X>?lang=ru, e-mail: leonpergam@gmail.com

Получена 21.01.2025
Принята в печать 14.03.2025

Received 21.01.2025
Accepted 14.03.2025